

ЛИТЕРАТУРА

*Всероссийская
олимпиада школьников*

11 класс

II (муниципальный) этап

2022

Уважаемые участники олимпиады! Вам предстоит выполнить предлагаемые задания. Время их выполнения – 6 академических часов (270 минут). Выполнение письменных заданий целесообразно организовать следующим образом:

- не спеша, внимательно прочитайте задание;
- обдумайте и четко сформулируйте стоящую перед вами задачу;
- не забывайте, что единственно верного пути выполнения как первого, так и второго задания нет – вам необходимо только проследить за тем, чтобы ваша работа соответствовала заданию, опиралась на анализ художественного текста, знание литературного материала и терминологии, а ваша точка зрения была убедительной и аргументированной;
- после выполнения всех предложенных заданий обязательно проверьте себя.

Максимальная суммарная оценка – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1 (аналитическое). Максимальная оценка за аналитическое задание 70 баллов. Целостный анализ поэтического или прозаического текста – по выбору участника олимпиады. (Установочные вопросы не требуют обязательного ответа. Выбор путей рассмотрения текста осуществляется участником олимпиады самостоятельно.)

Установочные вопросы

Поэтический текст: 1) О чем стихотворение А.А. Тарковского? 2) К какой тематической разновидности лирики его можно отнести (о природе, о творчестве, к гражданской, философской или какой-то другой)? Как принадлежность к этой разновидности выражена в тексте? 3) Что значит, по Тарковскому, «учиться траве»? 4) Стихотворение композиционно разделено на три части. Чем мотивировано это расчленение текста? 5) Можно ли слова «горящее слово пророка» считать отсылкой к стихотворению А.С. Пушкина «Пророк»? 6) Есть ли в стихотворении, как это часто бывает в лирической поэзии, какая-то недоговоренность? Если есть, то чем она обусловлена?

Прозаический текст. 1) В чем заключается художественное своеобразие рассказа? 2) Можно ли считать это произведение психологическим рассказом? 3) Какова центральная проблема произведения? 4) Каково отношение автора к центральному персонажу: сочувствующее, беспристрастное, негативное? Как это отношение проявляется? 5) Что изменилось бы, если бы рассказ назывался не «Обида», а «Ломака» (в соответствии с финальной репликой Васи Тучкова)? 6) Почему рассказ написан не от первого, а от третьего лица, хотя повествование строится как поток впечатлений и переживаний мальчика Пути? 7) На какого читателя рассчитаны произведения подобного рода? 8) Знаете ли вы какие-либо литературные произведения, подобные этому набоковскому рассказу?

ТЕКСТЫ ДЛЯ АНАЛИЗА

Арсений Тарковский

Я УЧИЛСЯ ТРАВЕ, РАСКРЫВАЯ ТЕТРАДЬ...

Я учился траве, раскрывая тетрадь,
И трава начинала, как флейта, звучать.
Я ловил соответствие звука и цвета,
И когда запевала свой гимн стрекоза,
Меж зеленых ладов проходя, как комета,
Я-то знал, что любая росинка – слеза.
Знал, что в каждой фасетке огромного ока,
В каждой радуге яркострекочущих крыл
Обитает горящее слово пророка,
И Адамову тайну я чудом открыл.

Я любил свой мучительный труд, эту кладку
Слов, скрепленных их собственным светом, загадку
Смутных чувств и простую разгадку ума,
В слове п р а в д а мне виделась правда сама,
Был язык мой правдив, как спектральный анализ,
А слова у меня под ногами валялись.

И еще я скажу: собеседник мой прав,
В четверть шума я слышал, в полсвета я видел,
Но зато не унизив ни близких, ни трав,
Равнодушием отчей земли не обидел,
И пока на земле я работал, приняв
Дар студеной воды и пахучего хлеба,
Надо мною стояло бездонное небо,
Звезды падали мне на рукав.

1956

Владимир Набоков

ОБИДА

Ивану Алексеевичу Бунину

Путя сидел на козлах, рядом с кучером (он не особенно любил сидеть на козлах, но кучер и домашние думали, что он это любит чрезвычайно, Путе же не хотелось их обидеть, – вот он там и сидел, желтолицый, сероглазый мальчик в нарядной матроске). Пара откормленных вороных, с блеском на толстых крупах и с чем-то необыкновенно женственным в долгих гривах, пышно похлестывая хвостами, бежала ровной плещущей рысью, и мучительно было наблюдать, как, несмотря на движение хвостов и подергивание нежных ушей, несмотря также на густой дегтярный запах мази от мух, тусклый слепень или овод с переливчатыми глазами навыкате присасывался к атласной шерсти.

У кучера Степана, мрачного пожилого человека в черной безрукавке поверх малиновой рубахи, была крашенная борода клином и коричневая шея в тонких трещинках. Путе было неловко, сидя с ним рядом, молчать; поэтому

он пристально смотрел на постромки, на дышло, придумывая любознательный вопрос или дельное замечание. Изредка у той или другой лошади приподнимался напряженный корень хвоста, под ним надувалась темная луковица, выдавливая круглый золотой ком, второй, третий, и затем складки темной кожи вновь стягивались, опадал вороной хвост.

В коляске сидела, заложив нога на ногу, путина сестра, смуглая молодая дама (ей было всего девятнадцать лет, но она уже успела развестись), в светлом платье, в высоких белых сапожках на шнурках с блестящими черными носками и в широкополой шляпе, бросавшей кружевную тень на лицо. У нее с утра настроение было дурное, и когда Путя в третий раз обернулся к ней, она в него нацелилась концом цветного зонтика и сказала: "Пожалуйста, не вертись!"

Сначала ехали лесом. Скользящие по си-
нине великолепные облака только прибавляли
блеска и живости летнему дню. Ежели снизу
смотреть на вершины берез, они напоминали
пропитанный светом, прозрачный виноград. По
бокам дороги кусты дикой малины обращались
к жаркому ветру бледным исподом листьев.
Глубина леса была испещрена солнцем и те-
нью,— не разберешь, что ствол, что просвет.
Там и сям райским изумрудом вдруг вспыхивал
мох; почти касаясь колес, пробегали лохматые
папоротники.

Навстречу появился большой воз сена —
зеленоватая гора в дрожащих тенях. Степан
попридержал лошадей, гора накренилась на
одну сторону, коляска в другую,— едва разми-
нулись на узкой лесной дороге, и повеяло ост-
рым полевым духом, послышался натруженный
скрип тележных колес, мелькнули в глазах вя-
лые скабиозы и ромашки среди сена,— но вот
Степан причмокнул, потрянул вожжами, и воз
остался позади. А погода расступился лес, ко-
ляска свернула на шоссе, и дальше пошли
скошенные поля,— звон кузнечиков в канавах,
гудение телеграфных столбов. Сейчас будет
село Воскресенское, а еще через несколько
минут — конец.

"Сказаться больным? Свалиться с козел?" —
уныло подумал Путя, когда показались первые
избы.

Тесные белые штанишки резали в паху,
желтые башмачки сильно жали, неприятно пе-
ребирало в животе.

День предстоял гнетущий, отвратительный,
но неизбежный.

Уже ехали селом, и откуда-то из-за изб и
заборов отзывалось деревянное эхо на соглас-
ный копытный плеск. Мальчишки играли в го-
родки на заросшей травой обочине, со звоном
взлетали рюхи. Мелькнули серебряные шары и
ястребиное чучело в саду местного лавочника.
Собака, молча, копя лай, выбежала из-за во-
рот, перемахнула через канаву и только тогда
залилась лаем, когда догнала коляску. Протру-
сил верхом на гнедой, мохнатой деревенской
лошадке, широко расставив локти и весь тря-
сьясь, мужик в рубахе, раздутой ветром и по-
рванной на плече.

В конце села, на пригорке, среди густых
лип, стояла красная церковь, а рядом с ней —
небольшой белокаменный склеп, похожий
формой на пасху. Раскрылся вид на реку,— во-
да была зеленая, цветая, местами словно по-
дернутая парчой. Сбоку от спускающегося
шоссе жались приземистая кузница,— кто-то
вывел на ее стене крупными меловыми буква-
ми: "Да здравствует Сербия!" Стук копыт сде-
лался вдруг звонким, упругим: ехали по мосту.
Босой старик, опершись на перила, удил рыбу;
у его ног блестела жестяная банка. Стук копыт
смягчился снова; мост и рыбак и речная излу-
чина отстали непоправимо.

Теперь коляска катилась по пыльной, пух-
лой дороге, обсаженной дородными березами.
Сейчас, вот сейчас из-за парка, выгланет зеле-
ная крыша — усадьба Козловых. Путя знал по
опыту, как все будет неловко и противно, и с
охотой отдал бы свой новый велосипед
"Свифт" — и что еще в придачу?— стальной лук,
скажем, и пугач, и весь запас пробок, начинен-
ных порохом,— чтобы сейчас быть за десять
верст отсюда, у себя на мызе, и там проводить
летний день, как всегда, в одиноких, чудесных
играх.

Из парка пахло грибной сыростью, ело-
вой темнотой, а затем показался угол дома и
кирпичный песочек перед каменным подъез-
дом.

"Дети в саду",— сказала Анна Федоровна
(Козлова), когда Путя с сестрой, пройдя через
прохладные комнаты, где пахло гвоздиками,
вышел на веранду; там сидело человек десять
взрослых; Путя перед каждым расшаркивался,
стараясь не чмокнуть по ошибке руку мужчин,
как это однажды случилось. Сестра держала
ладонь у него на темени, чего никогда не дела-
ла дома. Затем она села в плетеное кресло и
необычайно повеселела. Все заговорили ра-
зом. Анна Федоровна взяла Путя за кисть, по-
вела его вниз по ступеням, между лавровых и
олеандровых кустов в зеленых кадках, и таин-
ственно указала пальцем в сад. "Они там,— ска-
зала она,— ты пойдти к ним". После чего она
вернулась к гостям. Путя остался один на ниж-
ней ступени.

Начиналось прескверно. Необходимо было
пройти через красную садовую площадку вон
туда, в аллею, где среди солнечных пятен дры-
гали голоса, и что-то пестрело. Надо было про-
делать этот путь одному, приближаться, без
конца приближаться, постепенно входить в по-
ле зрения многих глаз.

Именинником был Володя Козлов, бойкий,
насмешливый мальчик, одних с Путей лет. У
Володи был брат Костя и две сестры, Бэб, и и
Леля. Из соседнего имения приехали в шара-
банчике двое маленьких Корфов и сестра их
Таня, милостивая девочка с прозрачной кожей,
синевой под глазами и черной косой, схвачен-
ной над тонкой шеей белым бантом. Кроме них
были три гимназиста и тринадцатилетний,
крепкий, ладный, загорелый Вася Тучков. Иг-
рами руководил студент, Яков Семенович, вос-
питатель Володи и Кости, пухлявый, грудастый
молодой человек, в белой косоворотке, с бри-
той головой и с пенсне без ободков на точеном
носу, вовсе не шедшем к яйцевидной полноте
его лица. Когда Путя наконец подошел, Яков
Семенович и дети метали копьё в большую
мишень из разноцветной соломы, прибитую к
еловому стволу.

Последний раз Путя был у Козловых в Пе-
тербурге, на Пасхе, и тогда показывали туман-
ные картины: Яков Семенович читал вслух
"Мцыри", а другой студент орудовал волшеб-

ным фонарем. На мокрой простыне, в световом кругу, появлялась (судорожно набежав и оставившись) цветная картина,— например: Мцыри и прыгающий на него барс. Яков Семенович, прервав на минуту чтение, указывал палочкой на Мцыри и затем на барса; при этом палочка окрашивалась в цвета картины, и цвета потом соскальзывали, когда он палочку отодвигал. Каждая картина оставалась на простыне долго, так как их было только десять штук на всего "Мцыри". Вася Тучков иногда поднимал в темноте руку, дотягивался до луча, и на полотне возникали растопыренные черные пальцы. Раз два студент у фонаря вставлял пластинку неправильно, картина выходила вверх ногами, Тучков хохотал, а Путя мучительно краснел за студента,— и вообще старался делать вид, что он страшно интересуется. Тогда же он познакомился с Танечкой Корф и с тех пор часто думал о ней, представляя себе, как спасает ее от разбойников, как пособляет ему и преданно любит его смелостью Вася (у которого, по слухам, был дома настоящий револьвер с перламутровой рукояткой).

Сейчас, расставив загорелые ноги, небрежно опустив левую руку на свой холщовый пояс с цепочкой и кожаным кошельком, Вася метил легким копьем в мишень,— вот раскачнулся, вот попал в самую середину, и Яков Семенович громко сказал: "браво". Путя осторожно вытащил копье, тихо отошел, тихо прицелился и попал тоже в середину; этого, впрочем, никто не заметил, так как игра кончилась, и все были заняты другим: приволокли и поставили посреди аллеи нечто вроде низенького поставца, с круглыми дырками по верху и толстой металлической лягушкой, широко разинувшей рот. Следовало попасть свинцовым пятаком либо в одну из дырок, либо лягушке в рот. Пятак проваливался в отделения с цифрами, лягушкин рот оценивался в пятьсот очков. Бросали по очереди, каждый по несколько раз. Игра была довольно тягучая, и в ожидании своей очереди некоторые из детей залезли в черничные заросли под деревьями. Ягода была крупная, матово-синяя, и загоралась лиловым блеском, если тронуть ее замусоленным пальцем. Путя, присев на корточки и кротко побрякивая, набирал чернику в ладонь и потом совал в рот всю горсть. Так получалось особенно вкусно. Иногда попадал в рот вместе с ягодами жесткий листик. Вася Тучков нашел маленькую гусеницу с разноцветными пучками волосков вдоль спины (вроде как у зубной щетки) и спокойно проглотил ее, к общему восхищению. В парке постукивал дятел, над травой жужжали тяжелые шмели и вползали в бледные, склоняющиеся венчики боярских колокольчиков. С аллеи доносился стук бросков и зычный картавый голос Якова Семеновича, советовавший кому-то лучше целиться. Рядом с Путей нагнулась Таня и с необыкновенно внимательным выражением на бледном лице, полуоткрыв фиолетовые

блестящие губы, обшаривала кустик. Путя, набравший в ладонь ягод, молча предложил ей всю горсть, она милостиво ее приняла, и Путя начал набирать для нее еще порцию. Но тут настала ее очередь бросать пятак, и она побежала к аллее, высоко поднимая тонкие ноги в белых чулках.

Игра в лягушку начинала всем надоедать, одни пропустили свой черед, другие швыряли кое-как, а Вася Тучков запустил в лягушку камнем, и все рассмеялись, кроме Якова Семеновича и Пути, Володя, именинник, стал требовать, чтобы сыграли в палочку-стукалочку. Мальчики Корф присоединились к этому, Таня запрыгала на одной ноге, хлопая в ладоши. "Нельзя, ребята, нельзя,— сказал Яков Семенович.— Через каких-нибудь полчаса мы поедем с вами на пикник, а если вы будете разгоряченные, то не исключена простуда". "Ну, пожалуйста, пожалуйста!"— затянули все. "Пожалуйста",— тихо повторил за другими Путя, решив, что устроится так, чтобы спрятаться вместе с Васей или Таней.

"Придется общую просьбу исполнить,— сказал Яков Семенович, любивший округлять свою речь.— Но только где же необходимое оружие?" Володя бросился по направлению куртин.

Путя подошел к зеленой скамье качалки, на которой стояли Таня, Леля и Вася; последний скакал и притоптывал так, что доска, кряхтя, дрыгала, и девочки вскрикивали и балансировали руками. "Падаю, падаю!" — воскликнула Таня и вместе с Лелей прыгнула на траву. "Хотите еще черники?" — предложил Путя. Она покачала головой, потом покосилась на Лелю и, обратившись к Путе, сказала: "Мы с Лелей решили больше с вами не разговаривать". "Почему?"— пробормотал Путя, густо покраснев. "Потому что вы ломака",— ответила она и, отвернувшись, вскочила на скамейку. Путя притворился, что поглощен разглядыванием курчаво-черной кротовинки с краю аллеи.

Между тем, задыхавшийся Володя принес палочку, зеленую, острую, из тех, коими подкрепляют на клумбах пионы и георгины. Стали решать, кому быть стучальщиком. "Раз. Два. Три,— смешным повествовательным тоном начал Яков Семенович, тыча при каждом слове пальцем,— Четыре. Пять. Вышел зайчик. Погулять. Вдруг охотник (Яков Семенович остановился и сильно чихнул). Выбегает (...продолжал он, поправив пенсне). Прямо в зайчика... Стреляет. Пиф. Паф. Ой. Ой. Ой. У. Ми. Ра. Ет (слоги веско замедлялись). Зай. Чик. Мой".

"Мой" пал на Путя. Но тут все остальные еще теснее обступили Якова Семеновича, умоляя, чтобы искал он. Раздавались возгласы: "Пожалуйста, это будет гораздо интереснее". "Так и быть. Я согласен",— ответил он, даже не взглянув на Путя.

В том месте, где аллея выходила на садовую площадку, стояла беленая, местами облуп-

пившаяся скамейка с решетчатой, тоже беле-ной, тоже облупившейся спинкой. На эту скамейку сел, держа в руках палочку, Яков Семенович, сгорбил жирную спину, плотно зажмурился и стал вслух считать до ста, давая этим время спрятаться. Вася и Таня, словно сговорились, побежали в глубину парка, один из гимназистов стал за липу, в трех шагах от скамейки, – а Путя, с тоской посмотрев на пестрые тени парка, отвернулся и направился в другую сторону, к дому, решив засесть на веранде, – не на той, конечно, где взрослые пили чай и где пел по-итальянски граммофон со сверкающим рупором, – на другой, наискосок от аллеи. Веранда, к счастью, оказалась пуста. Под цветными стеклами, бросавшими на них цветные отражения, тянулись мягкие лавки, сбитые сизым сукном в махровых розах. Была там еще венская качалка, чисто вылизанная миска на полу и круглый стол, покрытый клетчатой клеенкой. На столе ничего не было, кроме чьих-то одиноко лежавших стариковских очков.

Путя подполз к многоцветному окну и замер у белого подоконника. Был виден поодаль на розовой скамейке розовый Яков Семенович, неподвижно сгорбленный, под мелкой, рубиново-черной листвой. План путин был прост: как только Яков Семенович досчитает до ста, стукнет палочкой, положит ее на скамейку и отойдет по направлению к парковым кустам, где были наиболее правдоподобные места для засады, – ринуться с веранды к скамейке, к палочке. Прошло полминуты. Голубой Яков Семенович сидел, согнувшись, под черно-синими листьями и топал носком по серебристому песку в такт счету. Как весело было бы так ждать и поглядывать сквозь разные стекла, если бы Таня... За что? Что я такого сделал?

Меньше всего было простых белых стекол. Вот просеменила по песку трясогузка. В углах ромбовидных оконных рам были паутинки. На подоконнике лежаладохлая муха. Яркого-желтый Яков Семенович встал с золотой скамейки и застучал по ней палочкой. В то же мгновение дверь на веранду открылась, и из полутьмы комнаты появилась сперва толстая рыжая такса, а затем – седая стриженная старушка в черном платье с тугим пояском, с большой брошкой в виде трилистника на груди и с цепочкой от часов вокруг шеи, – часы же были засунуты за пояс. Собака, очень лениво, бочком, спустилась по ступенькам в сад, а старушка, подойдя к столу, сердито схватила очки, за которыми и пришла. Вдруг она заметила Путя, сползшего на пол. "Priate-qui? Priate-qui?" – произнесла она (с тем шутовским выговором, с каким изъясняются по-русски старые француженки, прожившие у нас лет сорок), "Toute n'est caroché", – продолжала она, ласково глядя на смущенное, умоляющее путино лицо. – "Sichasse rosajou caroché messt".

Изумрудный Яков Семенович стоял, подбоченясь, на бледно-зеленом песке и смотрел

сразу по всем направлениям, Путя, боясь скрипучего и суетливого голоса старушки, – а еще пуще боясь ее обидеть отказом, – поспешно за ней последовал, но чувствовал при этом, что получается страшная чепуха. Она шла, цепко держа его за руку, через прохладные комнаты, – мимо белого рояля, гвоздик и гортензий, голубого ломберного стола, трехколесного велосипеда, деревянной болванки селезня, лосьих рогов, шкапов с книгами, – все это бесполово выскакивало из разных углов, и Путя с ужасом соображал, что старушка вводит его далеко, на другую сторону дома, – а как объяснить ей, не огорчив ее, что игра, в которую он играет, скорее засада, чем прятки, что нужно ловить мгновение, когда Яков Семенович достаточно далеко отойдет от палочки, дабы успеть добежать до нее и постучать? Она провела его через пять-шесть комнат, потом через коридор, потом вверх по лестнице, потом через светлую горницу, где на сундуке у окна сидела румяная женщина и вязала на спицах, женщина подняла глаза, улыбнулась и, опустив опять ресницы, продолжала вязать. Старушка ввела его в следующую комнату: там стоял обитый кожей диван и пустая птичья клетка. Между огромным, красно-бурым бельевым шкапом и изразцовой печкой была как бы темная ниша. "Votte", сказала старушка и, легким нажимом вправив его туда, удалилась в соседнюю комнату, где продолжала разговор, никакого отношения к Путе не имевший, и слушательница, та, что вязала, изрежала восклицала с удивлением: "Скажите пожалуйста!".

Путя стоял в своем закуте (сначала на коленках, словно он, в самом деле, таился, но потом выпрямился), и смотрел оттуда на стену в равнодушно-лазурных завитках, на окно, за которым мерцала верхушка тополя. Равномерно и хрипло стучали часы, и это почему-то напоминало всякие скучные и грустные вещи.

Прошло очень много времени. Вдруг разговор по соседству стал медленно уплывать и замер в отдалении. Тишина. Путя вылез.

Спустившись по лестнице, он на цыпочках пробежал через комнаты (шкалы, рога, велосипед, голубой стол, рояль), и вот, в глубине, ударила полоса цветного солнца, открытая дверь на веранду. Путя, крадучись, пробрался к стеклам и выбрал белое. На скамейке лежала зеленая палочка. Якова Семеновича не было видно; он, вероятно, отошел за те елки.

Путя, улыбаясь и волнуясь, спрыгнул в сад и опрометью бросился к скамейке. Он еще бежал, когда заметил какую-то странную кругом неотзывчивость. Все же, не уменьшая скорости, он достиг скамейки и трижды стукнул палочкой. Впустую. Никого кругом не было. Трепетали солнечные пятна. По ручке скамейки ползла божья коровка, неряшливо выпустив изпод своего маленького крапчатого купола прозрачные кончики кое-как сложенных крыл.

Путя подождал несколько минут, озираясь исподлобья, и вдруг понял, что его забыли, игра давно кончилась, а никто не спохватился, что есть еще кое-кто ненайденный, таящийся, – забыли и уехали на пикник. Пикник же был единственным более или менее приятным обещанием этого дня, – приятно было, что взрослые не поедут, приятно было думать о печеном на костре картофеле, ватрушках с черникой, холодном чае в бутылках. Пикник отняли, но с этим лишением можно было примириться. Главное состояло в другом.

Путя переглотнул и неуверенно направился к дому, помахивая зеленой палочкой и стараясь сдерживать слезы. На веранде играли в карты, – донесся смех сестры, неприятный смех. Он обошел дом с другой стороны, смутно ду-

мая, что там где-то должен быть пруд, и можно оставить на берегу платок с меткой и свисток на белом шнурке, а самому незаметно отправиться домой... Вдруг, завернув за угол дома, к водокачке, он услышал знакомый шум голосов. Все тут были, – Яков Семенович, Вася, Таня, все остальные; они окружали мужика, который принес показать только что пойманного совенка. Совенок, толстенький, рябой, с прищуренными глазами, вертел головой, – вернее, не головой, а своим очкастым личиком, ибо нельзя было разобрать, где начинается голова, и где кончается тело.

Путя приблизился. Вася Тучков оглянулся и, обратившись к Тане, сказал со смешком: "А вот идет ломака".

1931

ЗАДАНИЕ 2 (творческое). Интерпретационная характеристика иллюстраций.

Охарактеризуйте иллюстрации Эрнста Неизвестного к роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» как интерпретацию этого литературного произведения.

Установочные вопросы: 1) Соответствует ли стиль данного графического иллюстрирования творческому стилю прозы Ф.М. Достоевского? 2) Как бы вы определили особенности этого стиля? 3) Можно ли расценивать эти рисунки как отображение не внешности персонажей и окружающей их обстановки, а как выражение идей, воплощенных в романе? 4) Вызывают ли иллюстрации Э. Неизвестного в вас эмоциональный отклик? 5) Помогают ли они лучше понять художественный мир Достоевского? 6) Чем может быть обусловлено неприятие стиля иллюстрирования Э. Неизвестного? 7) Какая из предложенных иллюстраций представляется более удачной/неудачной и почему? 8) Подписи под рисунками – авторские. Необходимы ли они для того, чтобы понять смысл изображения?

Ф.М. Достоевский

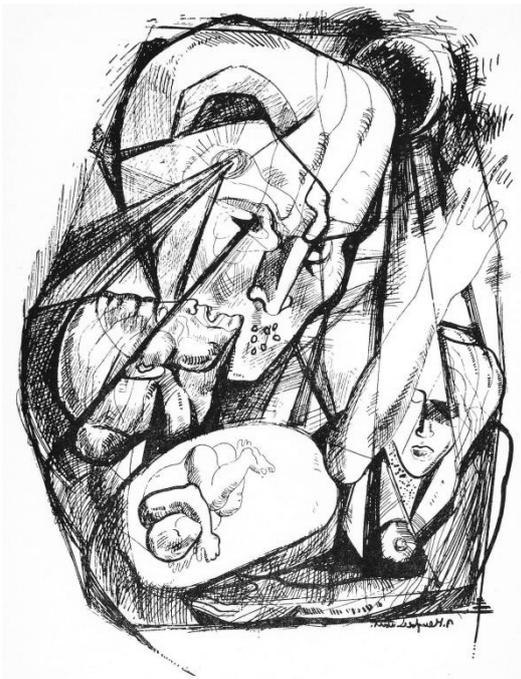
Раскольников

Соня

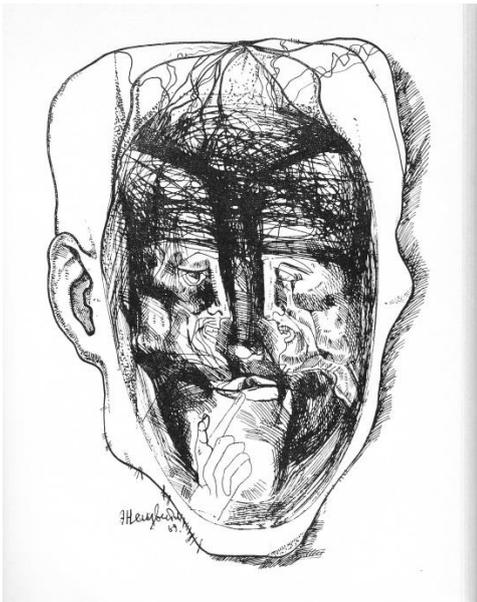
Арифметика

Убийство

Чтение Лазаря

Двойники (Свидригайлов-Раскольников)

Полифония (голоса)

Критерии оценивания:

- 1) Знание текста и понимание идейных особенностей романа «Преступление и наказание»;
- 2) Понимание принципов иллюстрирования литературного произведения Э. Неизвестным (независимо от их притяния/непритяния);
- 3) Убедительность аргументации высказываемых мнений;
- 4) Владение понятийным аппаратом литературоведения;
- 5) Общекультурная компетентность;
- 6) Общая языковая и речевая грамотность (отсутствие языковых, речевых, грамматических ошибок).

Принцип оценивания по каждому критерию: **максимально 5 баллов. Шкала оценок: 0 – 1 – 3 – 5.**

Максимальная сумма баллов за все второе задание – 30.

Максимальная сумма баллов за оба задания – 100.